

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 12 de marzo de 1959

Буэнос Айрес, четверг 12 марта 1959 года № 476

15/2 марта 1917

В своей книге “Царствование Императора Николая II” С. Ольденбург пишет:

“Поздно гадать о том, мог ли Государь не отречься. При той позиции, которую занимали ген. Алексеев и ген. Рузский, возможность сопротивления исключалась: приказы Государя не передавались”.

С. Ольденбург выражается не совсем точно: приказы Государя не только не передавались — они отменялись.

Получив, наконец, достаточно веские данные о положении дел в Петрограде, Государь Император решил лично отправиться в столицу, но перед этим Он отдал приказ об отправке туда шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков — из самых надежных, — плюс пулеметные команды. (На фронте “надежных частей” было сколько угодно). Ген. Алексеев был против и в отправке этих частей, считая, что “при существующих условиях меры репрессий могут только обострить положение”. По словам того же ген. Алексеева, Государь не “захотел разговаривать с ним” (С. Ольденбург, стр. 248). И этот приказ Государя Императора был сорван: ген. Рузский своей властью распорядился не только прекратить отправку войск в помощь ген. Иванову, но и вернуть обратно в Двинский район уже отправленные эшелоны. В ту же ночь из Ставки было послано на Западный фронт от имени Государя, предписание: уже отправленные части задержать на больших станциях, остальных — не грузить.

Что касается войск Юго-западного фронта (гвардии), то Ставка еще днем 1-го марта сообщила ген. Брусилову, чтобы отправка не производилась до особого уведомления (стр. 253)...! “Меры противодействия революции — отправка войск в восставший Петроград — были отменены и менем Государя, но помимо Его воли”.

Словом, Государь отдал приказ о переброске в столицу шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков и пулеметных команд, — и направился в заранее подготовленный для Него тупик. Поезд застрял на станции Малая Вишера — в 150 километрах от Петрограда, потом вернулся на станцию Дно и со станции Дно направился в Псков, в Ставку Северного фронта, которым командовал ген. Рузский.

Там, в Пскове, вечером 1-го марта произошла поистине историческая беседа между Государем Императором и ген. Рузским. Нужно иметь в виду, что до этой беседы Государь Император провел сорок часов в поезде и был начисто отрезан от какой бы то ни было информации. В Ставку ген. Рузского Государь Император прибыл, по всей вероятности, как на некий опорный пункт. Сейчас же Он получил телеграмму от ген. Алексеева с уже готовым манифестом об ответственном министерстве. Именно этому министерству была, повидимому, посвящена историческая беседа между Государем Императором и ген. Рузским. Часть этой беседы передает С. Ольденбург по записи князя Васильчикова, со слов ген. Рузского — так что за точность передачи ручать-

“Кругом измена, трусость и обман...”
(Дневник Государя Императора 2/15 марта 1917 г.)

ся нельзя. До этой беседы ген. Рузский сказал свите Государя Императора: “нужно сдаваться на милость победителей”. И, повидимому, вся беседа была посвящена именно вопросу этой капитуляции.

“Ген. Рузский с жаром доказывал необходимость ответственного министерства. Государь возражал спокойно и хладнокровно и с чувством глубокого убеждения: “Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится. Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом, или нет — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не Мои руки дело...”

“Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды тех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена... И высказывал свое убеждение, что те общественные деятели, которые несомненно, составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться с своей задачей”.

Сейчас, тридцать пять лет спустя, мы обязаны отдать должное “необыкновенной ясности” Государя Императора: “деятели” действительно не справились. Но во всяком случае, со стороны Государя Императора, — если верить этой записи, — это был категорический отказ от “ответственного министерства”. С. Ольденбург дополняет этот отказ и своими сообщениями: бунт усмирят не уступками, а вооруженной силой. Однако, было уже сделано все, чтобы вооруженная сила не смогла применить своего оружия.

(И. Солоневич. “Великая фальшивка Февраля”)

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

105. ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД НЕ ОПРАВДАЛ НАДЕЖД ХРУЩЕВА. — СТРАННЫЙ КОНЕЦ П.В.НИКИТИНА. — ДВУСМЫСЛЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И.В.СПИРИДОНОВА. — ПОКАЯНИЕ М.Г.ПЕРВУХИНА И ВЗДОРНЫЕ ОБВИНЕНИЯ И.И.КУЗЬМИНА. — ВСЕ ОСТАЕТСЯ ПО-СТАРОМУ ПОСЛЕ СЪЕЗДА. — СНОВА ПЬЕСА О “ДИВЕРСАНТАХ”. — СМЕРТЬ КИЕВСКОГО САТРАПА ГР. ЕЛ. ГРИШКО.

Западная печать видит в XXI партийном съезде победу Хрущева и интересуется реальностью предложенных им и подхваченных “с энтузиазмом” его холопами грандиозных планов “мирового соревнования с Западом”.

Странно, что этим иностранным наблюдателям не надоели идущие еще с времен Ленина планы и обещания “догнать и перегнать Америку”, что не удалось никому из ленинских премников.

Я совершенно иначе расцениваю результаты этого съезда и, без колебаний признаю его поражением Хрущева. На самом деле какая надобность была сейчас на год раньше предусмотренного уставом партии очередного съезда 1960 года созывать чрезвычайный. Ведь очередные и внеочередные пленумы ЦК уже не раз меняли всякие планы и заменить пятилетку семилеткой с теми же дутыми фантастическими и никак не проверяемыми цифрами можно было, не созывая чрезвычайного съезда. Истинной причиной, побудившей Хрущева созвать этот бутафорский съезд, было стремление добить на нем оппозицию, для чего репетицией этого ее разгрома явился подробно мной разобранный декабрьский пленум ЦК (см. “Нашу Страну” от 22-го января с. г.). Но этого-то как раз Хрущеву не удалось сделать, как не удалось Сталину расправиться летом 1936 г. с “правой оппозицией”, что он сделал год с лишним спустя!

Не нужно преувеличивать поражения Хрущева, который продолжает занимать высшие посты главы и партии и правительства, но все же сейчас следует констатировать его неудачу, которую можно ясно видеть при анализе хода работ съезда.

Меня удивляет, что никто из западных наблюдателей не обратил внимания на загадочную смерть видного маленького Петра Васильевича Никитина в самый день открытия съезда. Это известие распространилось между делегатами и на другой день появилось в печати официальное сообщение о скорпостижной кончине не достигнутого еще 50 лет заместителя председателя Государственного Комитета по внешним экономическим связям при совете министров СССР П. В. Никитина. В сухом и кратком некрологе указано, что он родился в 1909 г. и вступил в партию в 1930 г. Всю жизнь провел на разных административных постах, причем по службе был тесно связан с Первухиным и Сабуровым; в 1955 г. назначен первым заместителем председателя выдуманной тогда Государственной комиссии по текущему планированию, возглавлявшейся сначала Сабуровым, а с 1956 г. — Первухиным; затем перешел на пост первого заместителя председателя Комитета по внешним экономическим связям, возглавляемого хрущевской креатурой Сем. Андр. Скачковым, сменившим опального Первухина. Никитин с XIX съезда 1952 г. (на котором при дряхлом Сталине первую роль иг-

рал Маленков) был выбран кандидатом ЦК, каким оставался до последнего дня. В декабре отправился в Каир решать с правительством Нассера формы сотрудничества советских инженеров при сооружении Асуанской плотины. Здесь его ждали две неприятности: конкуренция западно-германских фирм и приезд американского дипломата Раунтри, положивший конец бойкоту американцами Египта, открывавшему простор для советской работы в деле снабжения Египта не только всякими видами технического оборудования, но и хозяйничания всяких советских экономических и технических миссий. Антикоммунистические выступления Нассера несколько затруднили переговоры с Никитиным и достигнутые им соглашения не слишком порадовали Хрущева. В своем шестичасовом докладе Хрущев намекнул на недовольство диктаторами, которые после успехов в борьбе против колониального гнета слишком много значения придают своим личным заслугам и не идут с массами (т.е. с компартией) по пути нужных реформ.

Это замечание Хрущева показывает, что он не очень был доволен результатами поездки П. В. Никитина. Трудно сказать, напугала ли последнего возможная опала после дипломатической неудачи или он испугался, что его погубит многолетняя близость к опальному Первухину и Сабурову, которые стали объектом прямых обвинений на съезде? Но здоровый молодой 49-летний Никитин скончался “от огорчения” в самое утро открытия съезда. Признаком его падения является отсутствие всякого “почтения памяти вставанием”, хотя он был кандидатом ЦК, что все же заставило поместить его некролог; затем весьма характерно отсутствие парадных похорон и траурного митинга на могиле; несмотря на длинные отчеты о пустопорожних речах на съезде, можно было в хронике отметить его похороны и привести список выступавших на могиле представителей партии (кандидатом ЦК он все-таки был!) и правительства (в момент смерти он в нем занимал пост, равный заместителю министра!). Это полное молчание является самым ярким доказательством, что Никитин умер, когда полагается умереть пошатнувшемуся по службе и в партии советскому карьеристу!

Я совершенно не буду останавливаться на фантастическом докладе Хрущева, сулящем бедному народу рай земной, как это всегда полагается в партийных докладах. Не кажутся интересными ни его философские рассуждения о преданности ленинизму, ни его хвастовство “укреплением мировой социалистической системы”, ни грубые попреки американцам за их религиозность: “из легенд о Христе хорошо известно, что когда Он увидел, как торговцы, ростовщики и менялы устроили в храме торжище, Он взял бич и выгнал их из храма. Если капиталисты прибегают к религиозной морали, то почему

15 марта с.г. в годовщину смерти

Генерального Штаба Генерал-Майора

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА князя СТОКОСИМОВА

в Кафедральном Соборе (ул. Нуньес 3541) после Божественной Литургии будет отслужена по усопшем ПАНИХИДА, о чем извещают племянники, внуки, родные и Союз Русских Белых Военных Инвалидов.

они превратили общество, в котором господствуют, в рай для богатых и ад для бедных? И это, несмотря на то, что по христианским сказаниям легче верблюда пройти через игольное ушко, чем богатому войти в рай". Этот дешевый аргумент напоминает антирелигиозные выступления первых лет большевизма! Насколько неправ Хрущев, говоря об едином социалистическом мире, показывает длинная часть доклада, посвященная нападкам на Югославию, в которой расписывается ее нужда и безработица. Именно отпадение Югославии от этого пресловутого "единства социалистического мира" так пугает Хрущева и заставляет его ругаться и нервничать. С такой же бешеной злобой и страхом говорит он об Аденанэре, который "в одной руке держит крест, а другой хочет взять атомную бомбу". Нам из разных источников известно, насколько в СССР и сейчас боются повторения 1941 г., считая даже небольшую новую западногерманскую армию самым опасным противником, ибо знают, что на этот раз меньше шансов (вернее их нет!), чтоб повторился 1942 г., когда в разгар боев под Сталинградом несметное англо-американское войско высадилось в Африке, спасая сталинскую диктатуру, а немцы вопреки всем основам стратегии, разбросали лучшие свои силы по всему побережью Европы от Нордкапа в Норвегии до Салоник, оголяя целые участки восточного фронта.

С тревогой говорил Хрущев об антикоммунистических выступлениях Нассера; тут он не смеет грозить открыто Нассеру, а старается заверить его, что коммунисты — лучшие ему союзники; пока он еще заискивает перед Нассером, как заискивал перед Тито, когда ездил в Белград просить униженно прощения за сталинскую политику, которую теперь сам возобновил. Надеется он на усиление враждебных Соед. Штатам течений и в Латинской Америке. Повторяет он и угрозы смести всех врагов силой оружия; но эту похвальбу мы слышали и от Ворошилова накануне прошлой войны.

Но все эти замечания Хрущева, из которых я выбрал наиболее новые, являются перепевом его прежних речей, особенно речи на декабрьском пленуме. Важнее ему было не слушать восхищение цифрами семилетки, а добиться требования об исключении из партии его собственных врагов. Однако все выступавшие ораторы только однообразно повторяли осуждение пяти "антипартийцев", не требуя никаких против них репрессий. В кулуарах предполагали, что ленинградские коммунисты потребуют следствия над Маленковым по обвинению в фабрикации "ленинградского дела" 1949 г. вместе с расстрелянным Абакумовым. Но вместо этого хитрый первый секретарь ленинградского Обкома, Иван Васильевич Спиридонов, тертый калач, состоящий в партии с 1928 г., выступил с крайне двусмысленной речью: выразив, подобно всем другим ораторам, негодование пятью "антипартийцами", он неожиданно заявил: "пусть они дадут отчет в своих поступках перед нами. Как их судил ЦК, пусть их судит партийный съезд!" Таким образом он признал за ними право апелляции против Хрущева к съезду, где они могли бы оправдаться в нелепых обвинениях или доказать соучастие Хрущева в приписываемых им злодеяниях. Затем Спиридонов потребовал выступления с объяснениями своего поведения от Первухина и Сабурова, впервые гласно обьявив их участниками антипартийного блока. До сих пор мы знали об этом; но в советских газетах никогда не писали, почему одновременно с антипартийцами выгнали из президиума ЦК Сабурова и разжаловали в кандидаты и отправили послом в Берлин Первухина. Теперь уже вся Россия будет знать, что Хрущева требовали убрать на президиуме ЦК не только Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов, но и Первухин и Сабуров при предательском молчании Булганина.

Предложение Спиридонова никем не было поддержано и на съезд никого из "подсудимых" не вызывали и тем самым спасли Хрущева от необходимости самому защищаться от их обвинений, а их самих спасли от всяких новых карательных мер. Думаю, что на этом за кулисами съезда настоял сам Хрущев, ибо по обычаю всех советских вождей, он не выдерживает политического диспута с оппонентами, а предпочитает действовать ссылками и иск-

лечениями из ЦК. И так, странное предложение Спиридонова прошло незамеченным и все дальнейшие ораторы предпочли повторить заученную формулу осуждения антипартийцев, не предлагая никаких новых против них решений.

Единственным результатом предложения Спиридонова явились покаятные выступления Первухина и Сабурова. Первое более интересно, ибо оно еще более раскрыло нам детали выступления оппозиции против Хрущева в июне 1957 г. Начав с неизбежных восторгов перед хрущевскими реформами, он заявил, что осуждает раскольническую деятельность антипартийной группы и на пленуме ЦК голосовал с большинством за их наказание, но провинился в том, что на президиуме, накануне созыва пленума, он "поддержал нападки антипартийной группы на тов. Хрущева, а следовательно и на всю проводимую им политику". Однако, когда антипартийная группа открыто поставила вопрос о смене руководства ЦК (т.е., говоря попросту о замене Хрущева Шепиловым), "я с этим не был согласен и не поддержал этого требования". Затем на пленуме, видя, что большинство идет за Хрущевым, за которого яростно ратовали Кириленко, Кириченко (его прежние сотрудники по работе на Украине), Фурцева и, особенно, туполобый маршал Жуков, Первухин, "осознав свои ошибки и помог пленуму разоблачить фракционную деятельность группы". Этот низкопробный прохвост сумел на протяжении недели трижды переменить свои убеждения, чтоб оказаться в лагере победителей. Как он объясняет теперь, до этого времени он всегда поддерживал Хрущева, но когда увидел, что его ругают и Маленков, и Молотов, и Каганович, то поспешил к ним присоединиться; потом струснул, а на пленуме стал их разоблачать; за эту трусость Хрущев дал ему самое маленькое наказание, разжаловав в кандидаты президиума, но не убрал из президиума совсем, как Сабурова и, позднее, Булганина. Теперь этот мелкий, просчитавшийся, лишенный всяких убеждений человек старался разжалобить съезд, напоминая, что он за 39 лет пребывания в партии "ни в чем с ней не расхордился", т.е. всегда шел за победителем, будь то Сталин, Берия, Маленков, Булганин или Хрущев. В заключение он еще раз пустил слезу: "Для меня, сына уральского рабочего, с юношеских лет состоящего в партии и ею воспитанного, нет ничего дороже и роднее партии и дела, которому она служит". На этом он сорвал даже аплодисменты и застраховал себя от потери поста посла в Германии, но не от новых оскорблений, которые сразу же получил.

На следующий день после покаяния Первухина выступил его преемник по Госплану, хрущевская креатура, Кузьмин. После похвалы достигнутыми хозяйственными успехами, он перешел к критике Первухина, который, якобы, рассчитывает, что его деятельность в антипартийной группе и бездеятельность на крупных государственных постах, доверенных ему партией, останутся незамеченными. Здесь Кузьмин упрекает одного из самых деловых бюрократов, сделавших карьеру по молчаливому принципу, ибо и Сталину и Маленкову и Хрущеву, он был, если и не свой, "но то затем, что деловой". Кузьмин же говорит, что он настаивал на строительстве мощных гидростанций, "на что отвлекались огромные средства". Но ведь эти гигантоманию выдумал не он, а Ленин и Сталин. Последний и поставил его во главе строительства гигантов, чтоб хвастаться, что СССР имеет самые мощные гидростанции. Затем, Первухин, якобы, вредительски настаивал на замене нефти углем в качестве топлива для электростанций и поддержал предложение "другого участника группы" Сабурова о сокращении развития нефтяной промышленности" (это уже звучит обвинением в групповом вредительстве!) Оказывается, в дело вмешался Хрущев и "дал правильное направление структуре топливного баланса"; потом в качестве министра химической промышленности (1942-49 гг.), Первухин все время тормозил ее развитие. Затем Первухин вместе с Молотовым и Шепиловым возражал против перестройки промышленности и лично обвинил "самого" Хрущева в "организационном зуде". Все эти обвинения не могут быть приняты всерьез, ибо кто же

поверит, что бездельника или вредителя, задержавшего развитие промышленности, успехами которого хвастали по всякому случаю и Сталин и Маленков, а за ними Хрущев, все время ценили и выдвигали на самые важные посты, а потом кричали о громадных успехах. Повторяется подлая коммунистическая история: Троцкого объявляли героем, выигравшим Гражданскую войну, а потом, оказалось, что он все время везде вредил и войну выиграл Сталин; Орджоникидзе и Пятакова прославляли за 518 новых заводов первой пятилетки и всякие "неслыханные" успехи, а потом первого довели до самоубийства, а второго расстреляли за вредительство при постройке этих заводов; став в эпоху ежовщины зам. наркома тяжелой промышленности, вместо казенного Пятакова, Первухин возглавлял те отрасли промышленности (электричество и химия), успехами которых хвастают повседневно, а теперь выходит, что 19 лет их возглавлял бездельник и вредитель. Право, никто из нас, убежденных и беспристрастных врагов большевизма не говорит таких гадостей об этом нелепом и преступном режиме, как говорят они сами. Их начальники государственной безопасности: Ягода, Ежов, Берия — все подряд оказываются шпионами, а творцы их хваленых заводов и электростанций — от Пятакова до Первухина — всегда бездействуют, вредительствуют и срывают то дело, которым гордится коммунистическая партия!

Ход съезда принял такой неожиданный и нежелательный для Хрущева оборот, что он поторопился составить из своих клеветов комиссию для разработки резолюции по собственному докладу, провел ее под гром аплодисментов и на этом закрыл съезд, отложив созыв следующего, намеченного на 1960 год, до 1961-го, когда надеется расправиться с противниками поодиночке, чтобы поставить съезд перед их могилами. В первый раз съезд не переизбрал ЦК и Центральную Ревизионную Комиссию; скажут, что это не делают на чрезвычайном съезде, но это неправда: для ратификации Брест-Литовского мира был созван в 1918 г. чрезвычайный съезд, который не только одобрил мирный трактат, но и избрал новый состав ЦК. Теперь же все остается по-старому: обвиненный в явном вредительстве Первухин остается и кандидатом президиума ЦК и послом в Германии, а членами ЦК остаются и проклинавшийся всеми выступавшими Булганин, и Сабуров, который тоже формально покался и, кстати, сообщил, что честно работает директором завода в Сызрани, как Каганович в Азбесте (б. Богдашево). Членами партии остались все изгнанные из ЦК 4 "антипартийца" и теперь Хрущеву придется расправиться с ними либо без поддержки партийного съезда, либо отложить эту расправу до удобного для него момента.

К постановке в театре имени Моссовета принята новая драма Георгия Мдивани "Тревожная ночь", интересная тем, что снова поднимает проблему бдительности и посвящена убийству диверсантами инженера, работающего по секретным видам оружия. Все три действия происходят в одну ночь в однодневном (т.е. воскресном) доме отдыха научных работников оборонной промышленности. В первом акте эти ученые отдыхают вечером, а красивая молодая жена одного из них — проф. Зубакина — идет в лес с его красивым ассистентом Мельниковым, пока угрюмый и ревнивый муж читает газеты. Двое других засекреченных профессоров партийцев, Саватеев и Харитонов, спорят о бдительности: один — Саватеев — говорит, что нужно больше свободы народу, что пора отдохнуть, а не "все бороться... бороться в науке... бороться за новый хлеб... за освоение целинных земель... за атомную энергию... даже за отдых надо бороться... хватит борьбы... давайте жить по-человечески..." Правверный партиец Харитонов говорит ему, что борьба необходима для партии, что "за ошибки надо прорабатывать, за преступления не только выгонять из партии, но и сажать в тюрьмы". Он протестует против "подлецов, которые говорят, что и Маркс и Ленин устарили". Саватеев резко отвечает, что проф. Бондаренко, поддерживающий Харитоновские рассуждения, "привык говорить языком винтовки и пистолета, по-

Политическая Хроника

ЕВРЕИ И СССР

Нам пишут из Нью Йорка: По случаю 95-той годовщины основания Великой Ложки Свободных Сынов Израэля — масонской организации, состоящей исключительно из евреев, в Нью Йорке состоялся юбилейный обед, в котором участвовал сенатор Гаррисон А. Виллиамс, член демократической партии.

Он произнес по этому случаю речь, в которой обвинил СССР и другие коммунистические государства в преследовании евреев. "Хотя коммунизм враждебен всем вероисповеданиям, — сказал сенатор Виллиамс, — он с особенной силой наложил руку на еврейские религиозные организации; это есть часть старательно планированной и жестоко осуществляемой кампании, цель которой — уничтожение самого понятия об еврействе в России".

В той же речи Виллиамс сказал, что он обратится к правительству Соединенных Штатов с предложением разрешить иммиграцию евреев из Румынии, ныне получивших возможность покинуть эту страну, причем юридическим прецедентом может, по мнению Виллиамса, послужить допущение беженцев из Венгрии в Америку.

Коммунистическую диктатуру, существующую в СССР, Виллиамс назвал тоталитаризмом, "не менее ужасным, чем тоталитарный строй Гитлера".

ПОЛЬКА О ЦАРСКОЙ РОССИИ

Нам пишут из Лондона: Польский эмигрантский литературный еженедельник "Вядомосьци" опубликовал пространную статью известной польской писательницы Варвары Топорской о романе Бориса Пастернака "Доктор Живаго".

Часть этой статьи посвящена отношению Запада к России. Об этом отношении В. Топорская пишет так: "Упорно называя Советский Союз Россией, западные политики и публицисты тенденциозно обманывают самих себя, делая вид, что Советский Союз — нормальное государство, с которым можно состоять в нормальных политических отношениях, заключать нормальные мирные договоры или вести нормальные войны. Это упорство — тенденциозное закрытие глаз на тот факт, что Советский Союз есть государство плюс коммунизм и что эта отнюдь не маловажная подробность, упорно умалчиваемая теми, кто называет Советский Союз Россией, имеет наибольшее для всего мира значение... Американцы упорно придерживаются слова Россия по невежеству и под влиянием своих традиций, заставляющих их относиться к любой монархии, как к самой худшей тираннии, потому что независимый Штатов возникла из борьбы с английской монархией, кстати сказать, бывшей даже и при Георге III монархией весьма добропорядочной и либеральной. Именно поэтому, когда американский политик хочет выпустить особенно тяжелый пропагандный снаряд, он сравнивает Советский Союз с царской Россией и русские передачи "Голоса Америки" разбиваются, как горох об стену. Напрасно старалась я объяснить моей американской приятельнице, в чем состоит разница между либерализмом и демократией. Когда я ей, наконец, сказала, что я предпочла бы жить в царской России, чем в демократической Америке, она расплакалась от злости".

дозревать родного брата, жену, друга..." Во время их разговора молчаливо сидевший Зубакин берет свою тяжелую палку с набалдашником и отправляется в лес, где, по рассказам прибежавшей молодежи (среди них пламенный китайский коммунист) гуляет его жена с ассистентом. В споре между профессорами Саватеев возражает против бдительности, ибо "теперь не 17-й год и у нас много миллионов друзей". А замечание Бондаренко, что и врагов у советского режима немало, он отвечает: "за целый год поймали 5-6 шпионов на весь Советский Союз". Но осведомленный Бондаренко замечает: "вы знаете только о тех, о которых сообщалось в газетах".

В это время возвращаются из леса Зубакин с женой, а вслед за ними прибегает комендант дома отдыха Курдюков и говорит, что ассистента Мельникова он нашел невдалеке на опушке

леса убитым ударом палки по голове. Все поражены!

Второй акт идет в ту же ночь; взволнованные ученые и их семьи толкуют об убийстве молодого и талантливого ученого и все подозревают вышедшего за ними в лес ревнивого мужа Зубаккина. Он с женой заперся в комнате. Ждет следователя. Приезжает следователь Карпов и увозит с собой в город не подозреваемого всеми Зубаккина, а Бондаренко, который, повидимому, сам тесно связан с органами безопасности.

В третьем акте, наутро, сидит в той же зале ошеломленный Зубаккин, который рассказывает коммунисту-профессору Харитонову, как его мучили подозрения в измене безумно им любимой молодой жены и как теперь жена убитая трагической смертью его ассистента. Тот растерянно слушает его слова и намекает, что лучше познаться во всем следователю. Приезжает следователь, который, оказывается, провел утренние часы в их секретном научном институте. Все убеждены, что он приехал с Бондаренко для ареста Зубаккина. Саватеев уже жаловался, что «органы плохо работают», раз до сих пор не арестовали Зубаккина, который почти признался в своем преступлении Харитонову. Следователь, приехав, немедленно проходит в комнату Зубаккина; собравшись все в той же зале, в которой идет вся пьеса, все жильцы прислушиваются к громкому в этой комнате разговору, но не могут его разобрать. Опять возобновляется спор между Саватеевым и его коллегами: Харитонов и Бондаренко доказывают, что всякий коммунист и вообще советский гражданин должен помогать органам государственной безопасности. Саватеев спорит, что сейчас в мирное время не дело всякого профессора физики сотрудничать с чекистами. Его огорошивает Бондаренко, говоря, что теперь та же обстановка, раз убили Мельникова, который с ним работал. Саватеев возражает, что убийца уже найден, но Бондаренко говорит, что следователь пошел к Зубаккину только, чтоб извиниться перед ним от имени всех присутствующих. Саватеев спрашивает: кто же убийца, на что получает ответ, что с ним побеседует следователь. Последний входит и просит испуганного Саватеева показать ключ от своего служебного кабинета и показывает, что у него самого такой же второй ключ. Саватеев говорит, что этот второй ключ следователь наверно нашел в кармане убитого Мельникова, который с ним работал. Но следователь отвечает, что его нашли у задержанного убийцы, подосланного иностранной разведкой, который предполагал, что в этом кабинете хранятся секретные чертежи и документы. Поэтому он караулил у этой дачи и, если бы Мельников не вышел раньше Саватеева вечером в лес, то он мог его убить, чтоб завладеть этим ключом. Жена Саватеева падает в обморок; муж, посрамленный в своей критике бдительности чекистов, возится с женой и с помощью окружающих приводит ее в чувство. Тем временем выходит молча, из своей комнаты одетый в шубу Зубаккин с женой, закрывшей шарфом лицо. Она уходит за кулисы, не глядя на присутствующих, которые все поняли, что Мельников был ее любовником; Зубаккин раскланивается и выходит вслед за женой, стуча по привычке своей тяжелой палкой, в которой все подозревали орудие убийства из ревности. На этом падает занавес.

С формальной точки зрения драма выдержана в классических правилах трех единств — времени, места и действия: от начала до конца проходит лишь одна ночь, место действия — все та же гостиная дома отдыха; действие — террористический акт, совершенный «агентом империализма», в котором подозревают ревнивого обманутого мужа; но самая пьеса ни что иное, как отклик на речь Хрущева в Лейпциге, в которой он приглашал германских ученых и инженеров на секретные военные исследования в СССР и говорил, что ученых охраняют от иностранных террористов, которые, якобы, убийствами пытаются похитить их тайны, или уничтожить физически творцов советской военной мощи.

Теперь Мдивани дает пьесе с изображением и комфорта, в котором эти ученые отдыхают после секретных своих трудов, и грозные им опасности от террористов, и несправедливость упреков некоторых из них на недостаток свободы и излишнюю бдительность, и

«НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ»

В лондонской газете "Daily Mail" от 10 февраля с.г. была напечатана заметка, повторенная аргентинской печатью, о том, что Б. Пастернак вручил московскому корреспонденту названной газеты текст своего последнего стихотворения, с просьбою опубликовать его за границей.

Сейчас, благодаря исключительному вниманию одного из наших подписчиков, мы имеем возможность не только более подробно осветить приводимый лондонской газетой факт, но и опубликовать и самое стихотворение Б. Пастернака, о котором идет речь.

Нам сообщают, что в одной из шведских газет 11 февраля была напечатана та же корреспонденция московского корреспондента газеты "Daily Mail" Антони Браун, в которой он говорит, что Б. Пастернак вручил ему клочек бумаги с написанным карандашом текстом своего стихотворения и просил это стихотворение опубликовать на Западе. При этом он добавил, что стдает себе отчет в том, какому риску он подвергается, но тем не менее, настойчиво просит исполнить его просьбу. В газете помещен фотографический снимок полученного Антони Браун листка бумаги со стихотворением Пастернака и перевод его на английский и шведский языки.

С большим трудом нашему корреспонденту удалось разобрать на фотографии текст стихотворения и мы, благодаря этому, имеем возможность познакомить с ним наших читателей. Вот это стихотворение:

«НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ»

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то воля, люди, свет,
А за мною шум погони
Мне наружу хода нет!
Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду...
Будь, что будет — все равно!
Что же сделал я за пакость?
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей!
Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора,
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра!

быстрое расследование совершенного террористического акта. Мораль: бдительность эта еще очень нужна и все должны помогать чекистам в их работе и не ворчать на вечные подозрения в отношении всех советских граждан! Но из этой же пьесы невольно слышим два ценных признания: даже крупные партийные ученые сетуют громко на тюремно-казарменный режим, который для них создан, при всем наличии комфорта, и количество арестов и расстрелов очень велико, как сказал ученый-чекист Бондаренко: «Вы знаете только о тех случаях, о которых пишут в газетах!»

В этой апологии Комитета Госуд. Безопасности на московской сцене хочется привести еще одну фразу проф. Харитонову в посрамление брызжащего на эти органы Саватеева: «Ты не знаешь, сколько талантливых физиков, врачей, педагогов, инженеров, пожертвовали своей профессией и даже жизнью, работая в Чека, куда их посылала партия!» Эпиграфом к такой пьесе можно поставить: слава Шелепинскому Комитету Гос. Безопасности!

10-го февраля умер после продолжительной болезни б. первый секретарь Киевского Обкома партии, кандидат ЦК Григорий Елесеевич Гришко. Родившись 6-го февраля 1906 г. и вступив в партию в 1932 г., он был одним из клеветов Кагановича и Хрущева на Украине; после войны свирепствовал в Херсоне, в качестве первого секретаря Обкома, массаи высылая несчастных жителей за «коллораацию», с 1951 г. возглавлял столичный Киевский Обком до января прошлого года, когда оставил пост «по тяжелой болезни», от которой теперь и умер. Возможно, что это было неизлечимое заболевание, ибо, в противном случае, его оставили бы умереть на посту, а не заменили за год до смерти бойким пятидесятилетним Петром Ефимовичем Шелестом из хрущевских работников секретариата ЦК. Гришко был кандидатом ЦК с XX съезда.

Алексей Ростов

Г. Месняев

Судьба Гоголя

(К 150-летию со дня рождения писателя, Род. 20 марта ст. ст. 1809 г.)

«...Повел Кокубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом русская земля!..» И отлетела молодая душа. Подняли ее Ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. «Садись, Кокубенко, одесную Меня, — скажет Христос: — ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал Мою Церковь...»

В русской литературе едва ли мы найдем другие, исполненные таким возвышенным пафосом слова, нежели эти и другие страницы «Тараса Бульбы». В них, конечно, имеется некоторая преувеличенная приподнятость, но она нас возвышает, волнует и зовет к славе и подвигу. В этом-то и заключается очарование той романтики, которою полно это изумительное творение Гоголя.

Такая же преувеличенность, но уже не возвышающая, а принижающая нас — имеется в образах совсем других лиц, нежели Тарас Бульба, Остап, Кокубенко и другие — в созданных тем же гением образах: Чичикова, Ноздрева, Хлестакова, Тяпкина-Ляпкина и других, из зловещей галереи «мертвых душ». Сопоставляя «Тараса Бульбу» и «Мертвые Души» мы не можем не заметить того, что на палитре Гоголя как бы не было других красок, кроме черной и белой. Гоголь как-будто игнорировал то, что в жизни, в действительности, доброе и злое, высокое и низкое, благородное и подлое — не живут отдельно, а живут рядом, сплетаясь и не отделяясь друг от друга. Гоголь, как-будто не хотел знать того, что человеческая личность соткана из противоречий, и что, в оный момент, когда невидимой рукой высекается искра Божия даже из самых безнадежных мертвых душ, тот же Чичиков или Собакевич могли бы стать подобными Кокубенке.

В невозможности для Гоголя найти и художественно воплотить равнодействующую между добром и злом, найти их примиряющее начало и представить человека во всей его сложности, во всем драматизме борения в его душе добра и зла — заключается, надо думать, причина его жизненной трагедии, как писателя, его загадочности, непонятности и сложности.

В своей «Авторской исповеди» Гоголь говорил о присущей ему с ранних лет особенности подмечать в людях все смешное. Он замечает, что он «выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставял их мысленно в самое смешное положение, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего и кому от этого выйдет какая польза».

Такая склонность ко всему смешному, пока она зиждется на любовном отношении к людям и на радостном восприятии жизни, представляет собой начало светлое, освещающее жизнь мягкой и благодушной улыбкой. Таким и был Гоголь в ранний период своей писательской деятельности, когда он писал «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и «Вия».

И, когда, например, мы читаем в «Вие» описание бурсы, описание путешествия отпущенных «на вакансии» бурсаков: богослова Халыва, философа Хомя Брута и ритора Тиберия Горобца, или описание подгулявших казаков, из коих самый старый, с седыми усами, рыдает «о том, что у него нет ни отца, ни матери и что он один остался на свете», а другой «большой резонер» утешает его, говоря: «Не плачь, ей Богу, не плачь, что ж тут?» — мы чувствуем с какой глубокой человеческой симпатией относится писатель к своим немудрым героям.

Но, каждого человека, склонного к смеху, всегда подстерегает немалая опасность впасть в стихию, уже не благодушия и светлого, а язвительного, едкого и злого, так наз. сатирического, смеха.

Гоголь не избежал этой опасности: влекомый столь развитым в нем чувством смешного, он постепенно и незаметно, перешел ту незримую грань, которая отделяет область светлого смеха от области темной, в которой, порой, угадывается дьявольская усмешка. Незамет-

но, какая-то сила увела его от мягкой лирики «Вечеров близ Диканьки», от героической патетики «Тараса Бульбы» и от задумчивой грусти «Старосветских помещиков» — в страшный мир сгущенной пошлости и низости, в мир мертвых душ.

Гоголь рассказывает о том, что, когда он читал Пушкину первые главы «Мертвых Душ», то «Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен».

Пушкин, видимо, понял тогда, что перед ним уже не тот Гоголь, который читал когда-то ему «Майскую Ночь» или «Сорочинскую ярмарку», а совершенно иной, захваченный в плен силой недоброй и пугающей.

Опасность такого смеха, скрытый в нем великий соблазн, видимо, понял и сам Гоголь. «После «Ревизора», — говорит он, — я почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность сочинения полного, где было бы не одно то, над чем следует смеяться».

«Я увидел, что в сочинениях своих смеюсь даром, напрасно, сам не зная зачем». Если бы Гоголь не был человеком глубокой и страстной религиозности, он, вероятно, не задумался бы над бесплезностью, а может быть, и над вредностью своего язвительного смеха. Его, в таком случае, ожидала бы судьба Салтыкова-Щедрина, злобный смех которого обратился в разрушительную силу, подготовившую почву для морального распада русского предреволюционного общества.

Религиозное чувство Гоголя, настойчивое, требовательное, беспокойное — спасло Гоголя от соблазна недоброго смеха. Оно внушило ему мысль о том, что прежде чем бичевать чужие пороки и недостатки, надо очистить самого себя от всего того, чем он, в таком изобилии, оделял своих героев.

Следуя велению своей религиозной совести, Гоголь приступил к работе над «полным сочинением», которым должен был быть второй том «Мертвых Душ» и которое должно было помочь ему преодолеть свой странный дар с невиданной силой смеяться над жизнью и людьми. И здесь-то, в этой попытке, и обнаружилось трагическое несоответствие между его намерениями, продиктованными его духовным просветлением и силой его дара «выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользала от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем».

Он этой силы художественно преодолеть не смог. Пером его продолжала владеть все та же зловещая сила недоброго смеха; пошлость вновь выступала во всей яркости своих красок, совершенно затемняя те бледные и беспомощные образы светлого, которые Гоголь безуспешно стремился воссоздать на страницах своего «полного сочинения».

Сознавая всю трагичность своей писательской судьбы, чувствуя, что его странный художественный дар губит его, как христианина, Гоголь долго, но бесплодно боролся сам с собой: создать что-либо светлое и возвышающее — он уже не мог, создавать же уродливые и пугающие образы человеческой пошлости — он не хотел. Имеется прекрасная книга К. Мочульского «Духовный путь Гоголя». В ней с большой силой описано, каким страдальческим путем шел к своему духовному преображению великий русский писатель и как он принес, сознательно и страдальчески, свой могучий писательский дар в жертву своей религиозной совести. Убедившись в своей неспособности создать «полное сочинение», в котором, как ему хотелось, должно было быть «не одно то, над чем следует смеяться», Гоголь решил на величайшую для писателя жертву: он сжег результат своего многолетнего труда, — второй том «Мертвых Душ».

Совершенно сознательно отрекся он от самого дорогого, чем он владел: от своего художественного дара.

«Рожден я вовсе не затем, чтобы произвестить эпоху в области литературной, — писал он по поводу сожжения им своего литературного труда, — Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором должен прежде всего подумать всякий человек, не только один я. Дело мое — душа и прочное дело жизни».

Все те, кто намеренно проходят мимо религиозного подвига Гоголя; все те, кто хотят видеть в нем не «мученика христианства», как назвал его С. Т. Аксаков, а вульгарного обличителя и

потрясателя основ, коим Гоголь никогда не был, объясняют его духовный перелом, отказ от художественного творчества, сожжение им второго тома "Мертвых Душ" и его патристические и монархические высказывания в "Переписке с друзьями" — не больше, не меньше, как "религиозным помешательством".

Говоря именно о таких вульгарных объяснениях судьбы писателя и причины его ранней смерти, К. Мочульский, в названной выше книге "Духовный путь Гоголя" пишет так: "Но можно предположить и иное. Гоголю было послано свыше откровение о смерти, он перестал бороться за жизнь, последние драгоценные дни употребил на христианское приготовление к великому таинству".

Обаяние гоголевского творчества, несмотря на самые страшные десятилетия, отделяющие нас от него — не исчезает. Наоборот, в дни нашего национального унижения, в дни тягостных раздумий и больших сомнений, обращаясь к заветному, что было сказано писателем в его непризнанной и всячески охаянной "Переписке с друзьями", мы находим мно-

жество исключительно глубоких мыслей христианина и страдальца, коим был Гоголь, и постигая его мятущуюся, русскую душу, черпаем в этих мыслях многое для своего собственного укрепления и утешения. И та часть его творчества, которая когда-то заставила жизнерадостного Пушкина, задуматься в печали, и которая и нас нередко смущала и смущает, пугая страшными мсасками Чичиковых и Хлестаковых, получила, в свете устрашающих видений революции, свой новый смысл и значение. Мы понимаем теперь, например, как могло произойти то, что в дни всеобщего помрачения, в 1917 году, легковесный и совершенно пустопорожний Иван Алексеевич Хлестаков мог внушить России, что он "персона", подобно тому, как некогда ему удалось убедить в этом уездных чиновников. Уездный фарс, через сто лет, обратился во всероссийскую трагедию. Тридцать пять тысяч курьеров — стали реальностью, и Хлестаков, пределом мечтаний которого было управление департаментом, стал вдруг, совершенно фантастическим образом, управлять всей Россией.

Образы, созданные гением Гоголя, которые раньше могли казаться каким-то гротеском, небывальми и нереальными сгустками человеческой пошлости, на деле, в грозной российской действительности, оказались самой подлинной реальностью, открыв для нас пророческую сущность гоголевского духа.

И, все же, писательский подвиг Гоголя, его совершенно оригинальное, ни на что не похожее творчество, в разных его видах и планах меркнет перед совершенно титаническим его подвигом, как человека и христианина. Найти в себе силы и мужество для того, чтобы признать тленом и прахом свое художественное творчество, составлявшее сущность его жизни — смог бы, среди людей, очень немногие. Сверхчеловеческая сила, с которой Гоголь поборол сам себя, всегда будет восхищать и удивлять людей, ищущих Правды. И в этом-то и заключается основной смысл трагической судьбы писателя!

Г. Месняев

Н. Воейков

ЗАРУБЕЖНАЯ ЦЕРКОВЬ И МОНАРХИСТЫ

В одном из своих первых обращений, в 1941 году, Великий Князь Владимир указал на необходимость повсеместно поддерживать церковную жизнь приходов. Ведь самой крупной величиной в эмиграции осталась наша Русская Церковь. Несмотря на все перенесенные ею раздоры и раздробления, Церковь наша сумела не только сохранить в ее чистоте Православие и наши русские обряды и традиции, но и покрыть своими приходами почти весь земной шар. В самых глухих углах нашего рассеяния возносятся публично моления о России, тем самым укрепляя нашу непримиримость к богоборческой власти и преданность к России исторической и идеалам Православной Монархии, ее создавшим.

Советская власть правильно учла всю опасность существования за границей подобного законно учрежденного духовного центра. С первых же лет рассеяния, все усилия красной агентуры были направлены на подрыв Зарубежной Церкви. Многого удалось им достигнуть и многих "малых сих" соблазнить и от Церкви оторвать. Однако, в основном попытки эти потерпели неудачу. После Второй Мировой войны, Советы попытались уже открыто, пользуясь своим престижем победителей, внести разделение в нашу Церковь; вспомним посещения патриарха Алексия монастырей Русской Миссии в Иерусалиме, откуда он принужден был позорно ретироваться, вспомним лживые речи советского корифея митр. Николая Крутицкого в Париже, поездки по Соед. Штатам и Канаде всяких Григориев и Борисов и т.д. Зарубежная Церковь наша предпочла нищенское "палаточное" существование всякому компромиссу с царубийцами и врагами Христа.

Таким образом, на фоне нашей раздробленной общественности, приходы церковные продолжают быть основными центрами нашей русской жизни. Огромное большинство русских осталось вер-

ными Православию и посылно поддерживает повсюду церковную деятельность. Детские школы, кружки приходской молодежи, благотворительность, местные журналы и т.д. должно поддерживать, так как они являют собой ту насущную, необходимую работу, которой может помочь каждый. Воспитывая в молодежи любовь и преданность к России Православной и ее вековым идеалам, Церковь наша тем самым выполняет огромную ответственную работу. Некоторые скажут, что делается мало, что некоторые пастыри наши не на высоте, все это не должно отдалять нас от приходской деятельности. Как подчеркнул в своем обращении Великий Князь, наш долг, особенно монархистов, этой работе способствовать всемерно.

Нам надлежит помнить, что Бог даст, кадрам нашей Зарубежной Церкви предстоит еще более ответственная духовно-воспитательная миссия в Национальной России. На эти кадры в будущем должна будет рассчитывать Православная Империя, в возрождение коей мы все верим твердо.

Поэтому следует всем нам, приверженцам Монархической Идеи, всемерно помогать нашим зарубежным приходам, воздерживаясь от бесплодных интриг, злостной критики, а тем более от манифестаций против законной церковной власти.

Чем виднее общественное положение некоторых из нас, тем более от них требуется бдительности и осторожности в действиях. Не следует нам забывать, что, преследуя зачастую самолюбивые цели или сводя личные счёты с нашим духовенством, мы лишь льем воду на советскую мельницу. Наша монархическая заграничная работа через чур ответственна, чтобы рисковать действовать врагам нашим в их подрывной деятельности.

Существенные недочеты приходской жизни несомненно могут быть устранены поскольку все дружно возьмется сами за дело и своей активностью на этом важнейшем зарубежном участке оправдают доверие возложенное на них Великим Князем. Н. Воейков

БОРИС ПАСТЕРНАК

ДОКТОР ЖИВАГО
РУССКОЕ ИЗДАНИЕ С ОРИГИНАЛА
на днях выйдет из печати в САСШ и
будет рассылаться заказчикам. Желающие приобрести эту знаменитую книгу могут выписать ее через "НАШУ СТРАНУ", пошлав в редакцию или внося представителю газеты в данной стране в местной валюте ее стоимость и сообщив в редакцию свой адрес.

658 страниц в переплете

Цена Ам. \$ 6.50. Пересылка Ам. \$ 0.25

ТИРАЖ ОГРАНИЧЕННЫЙ.

НЕ ОТКЛАДЫВАЙТЕ
НА ЗАВТРА СВОЙ ЗАКАЗ!

Для заказчиков из Аргентины, Парагвая и Бразилии ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ —
ЦЕНА 360 арг. песо с пересылкой.

ПРОФ. Е. МЕССНЕР

ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

II. ХАОС МИРА И ВОЙНЫ

Двадцатидевятиэтажное здание Организации Объединенных Наций в Нью Йорке без единого балкона или выступа на фасаде тупо глядит на мир своими пятью тысячами одинаковых окон, а мир видит в этой коробке символ нивелирования всех государств света: в Организации равновранны 76 государств — крошечный Либанон и огромная Индонезия, вчера возникшая Либия и с древности культурная Италия. И даже "пять великих", привилегированных могут свою волю проявлять в пассивном "не позволяю", но не в активном "желаю" и мощный Вашингтон для проведения своих планов должен посулами и поблажками вербовать голоса микроскопических суверенностей, знающих себе цену в создавшейся всемирной обстановке.

Прошло время диктаторствующих государств, хотя избыточно возникают диктатуры в странах, где парламент-дегенерат или парламент-недоносек доводят народ до отчаяния. Прошло время изолированных гегемонов — на гегемонию могут претендовать лишь коалиции, образованные на базе взаимной эксплуатации в согласовании интересов. Так коалиция из 21 американской республики держится "колониализмом наизнанку" — зависящие эксплуатируют Вашингтон, от которого зависят, а этот последний дает себя жать, чтобы, при надобности, во время войны прижать своих алчных друзей.

Гегемония Европы растаяла в двух ненужных европейских междуусобицах, превратившихся в всемирные войны. Боевые действия на морях принудили Европу вместо многоемкого сырья для своей промышленности везти из Африки и Азии малоемкие изделия и для этого заморские земли получили свою индустрию; это было необходимо еще и потому, что ставшая на военные рельсы европейская промышленность во время войны перестала давать заморской торговле экспортные изделия. Промышленная эмансипация Азии и Африки имела следствием эмансипацию политическую. А использование белыми народами цветных солдат для убийства солдат других белых народов привело к духовной эмансипации: раз я имею право убивать белого, то он уже больше не полу-бог. Восстание Мау-мау в Кении и рифанцев в Алжире есть логическое следствие посылки сенегальцев в бой у Вердена.

Европа, считавшая себя центром мира в античные века, в средневековье, в эпоху ренессанса, реформации, просвещенного абсолютизма, Французской революции, гуманизма XVIII века, либерализма XIX века, теперь стала захолустьем. Напрасно Мадиярага восклицает: "Мы должны любить Европу Рабле, Эразма, Вольтера, Данте, Шекспира, Гете, Достоевского, Микель-Анджело, Баха, Ньютона, Лейбница". Европа должна объединиться, чтобы стать силой среди таких сил, как Америка, Россия, Китай, Индия.

Но Европа не верит в себя. Это сказал Освальд Шпенглер своим трудом "Крах Запада", это твердят экзистенциалисты Камюс и Сартр, а Генрих Манн в своем произведении "Век страха" дает страху доминирующее место в психике Европы.

Европа, измученная войнами, боится всякой решительности и в одном лишь решительна — в отказе от стремления к властвованию в мире. Де Голль, разрушающий во Франции депутатократию, падет, вероятно, не от козней адвокатов-партийцев, а от страха французов перед желанием генерала навязать Франции какую-то всемирную миссию: "Какие там миссии — быть бы живу!"

В Европе нет центра, Европа перестала быть центром мира. Центр тяжести человечества перемещается из Европы. За последние 50 лет население Европейского континента возросло на 35%, а Американского — на 127%; за 50 лет этого века количество городов с населением свыше 100.000 человек в Европе возросло на 137%, в Азии на 219%, в Америке на 280%, а в Африке на 457%. Куда переместится центр тяжести, предсказать невозможно, но в данный момент образовалось два полюса: САСШ и СССР.

Если сейчас предвидят войну, то подразумевают конфликт между этими двумя потентатами: настоящая война может быть в наш век только между великими потентатами, а вооруженные столкновения между потентатами также малозначущими, как война между Боливией и Парагваем четверть века тому назад. Локальные конфликты это — лишь "инциденты", война же это — явление всемирное или почти всемирное. Мало кто может остаться нейтральным при современном переплетении интересов. В XV веке Испания и Португалия неимоверно усиливают свою мощь захватом открываемых континентов и это не вызывает ревности ни во Франции, ни в Священной Римской Империи, а сейчас попытайтесь Австрия отнять у Италии альпийскую долину, населенную австрийцами, и вся Европа, весь мир вмешается в конфликт — одни ради соблюдения равновесия сил, другие ради равновесия принципов, третьи из каких-либо экономических соображений, а четвертые ради собственной амбиции — как же мне не крикнуть свое слово, когда другие кричат!

Война в наш век может быть только коалиционной — ограниченно коалиционной или неограниченно коалиционной, т.е. всемирной. Даже в каждой локальной войне будут явные или тайные акционеры: на стороне северной Кореи явно стоял Краснокитай и не столь явно — СССР, а на стороне южной Кореи — огромная коалиция; правда, большинство только символически дало кровь своих солдат на алтарь общего дела, а иные ограничились посылкой крови в жестянках (для трансфузии), но в связывании рук страгата участвовали все.

В таких коалиционных войнах не может быть ни ясно выраженных целей войны, ни ясно очерченной стратегии. Слишком много заинтересованных фигур и интересы подчас не только трудно-согласуемы, но и даже противоположны. Черчилль своей самочинной Дарданельской операцией сорвал русский план высадки у Константинополя, потому что необходимое России открытие водного пути для связи с союзниками шло вразрез с традиционной политикой Англии — не давать России одолеть Турцию. И

Н. Потоцкий

К ВОПРОСУ О НОВОЙ ОРФОГРАФИИ

Время от времени в русской зарубежной печати вспыхивают горячие споры между сторонниками старой и новой орфографии, в которых особенно страстным нападениям подвергается последняя: она квалифицируется как порождение безграмотности, как потачка лени и нежеланию проявлять некоторое умственное напряжение для определения необходимости употребить ту или иную букву, то или иное окончание и т.п. Многие прямо называют ее большевистской, утверждая, что, будучи врагами и разрушителями подлинной русской культуры, именно большевики и выработали, и ввели новую орфографию в подвластной им России. Порой дело доходит даже до грубых ругательств, которые и приводить не стоит.

Мой личный взгляд на это дело таков: пусть в эмиграции каждый пишет и печатает, как ему угодно — все равно никакой силы принуждения в этом отношении не существует, а переубедить ярых сторонников одной или другой орфографии — дело явно безнадежное. Не лучше ли остановиться на той мысли, что когда наша Родина возродится к новой, свободной и нормальной государственной и общественной жизни, в ней будет и министерство народного просвещения, и Народное представительство. При первом будет образована какая-то комиссия для рассмотрения этого жгучего для нынешних спорщиков вопроса, которая, надо надеяться, будет состоять не из каких-то невежд или недоучек, а из лучших специалистов в области народного образования, которые притом будут обсуждать этот вопрос в условиях полной свободы, т.е. без всякого предопределяющего их решение давления со стороны "партии и правительства". Эта комиссия представит свой доклад в министерство, последнее внесет свой проект на обсуждение народного представительства, которое, в свою очередь, представит свое решение на окончательное утверждение верховной власти — и вопрос будет решен самым мирным способом раз и навсегда. А до того времени ломать копы-

и ильвать ведра чернил — совершенно неразумно; необходимо только найти в себе некоторый минимум культурной терпимости и уважения к чужому мнению и не обзывать друг друга нехорошими словами.

Тем не менее, на нас в этой области, как и во многих других, ложится некоторая конкретная обязанность: подготовить для этих будущих обсуждений и решений максимум материала, и притом не только наших личных или коллективных точек зрения с опорой на возможные более объективные и серьезные предпосылки, но и некоторых бесспорных фактических данных. В этом отношении очень полезно собрать и некоторые исторические материалы и, в частности, справки о том, когда в России возник вопрос о введении новой орфографии, кто его поднял и кем он был решен в окончательной форме. В этом отношении весьма ценный вклад в историю этого вопроса вносит К. Солнцев в своей статье "В преддверии орфографической реформы" в 22-й книге "Нового Журнала". Из этой весьма интересной статьи мы узнаем следующее:

Вопрос о необходимости реформы русской орфографии возник и сопровождался спорами еще в 80-х годах прошлого столетия в среде русских лингвистов и педагогов, и уже известный автор русского словаря Я. К. Грот, составивший его по поручению Академии Наук и при участии некоторых ее членов, внесил некоторые изменения в правописание тех или иных слов.

Затем, в 1900 году, Московское педагогическое общество выбрало из своей среды особую комиссию для изучения этого вопроса, председателем которой был известный ученый и выдающийся лингвист, академик Фортунатов. Эта комиссия составила проект и опубликовала его в особом сборнике ("Труды") Общества. И, под влиянием этого доклада, определенно высказавшегося за необходимость реформы и упрощения правописания, уже тогда некоторые авторы и издатели стали издавать книги без

"ять" и "ъ" с заменой злополучного "ятя" буквой Е. И когда министр вн. дел Снягинин хотел издать указ, запрещающий подобные издания, но счел все же необходимым запросить по этому поводу Академию, то последняя высказалась решительно против вмешательства цензурного ведомства в дело правописания, и министр был принужден свой проект похоронить.

Но самое интересное произошло через два года, в 1902 г. Вопрос о признании словаря Грота (с его упрощениями) Академией был поставлен перед последней не только еще одним педагогическим Обществом (Казанским), но — что весьма интересно — Главным Управлением Военно-Учебных заведений, которое притом еще подняло вопрос об упрощении правописания вообще. В ответ на эти запросы, при Втором Отделении (русского языка и словесности) Академии была образована Комиссия по вопросу о русском правописании, в которую вошли, кроме академиков, и представители тех ведомств, в которых имелись учебные заведения, педагогических обществ, преподаватели высших, средних и начальных учебных заведений, литераторы и редакторы некоторых газет и журналов. Председателем этой Комиссии, насчитывавшей 55 членов, назначили в подавляющем большинстве громкие и известные всей читающей и пишущей России имена, был не кто иной, как Президент Академии Наук, Великий Князь Константин Константинович. И вот, когда после выслушания докладов пяти сторонников перехода к новой орфографии и двух противников этого перехода, Великий Князь поставил вопрос о том, находит ли Комиссия желательным упрощение принятого до тех пор русского правописания, то вопрос этот был, как об этом говорит протокол заседания, "единогласно решен в утвердительном смысле".

Для окончательного установления правил правописания по новой орфографии Комиссия создала особую подкомиссию под председательством того же академика Фортунатова, которая и работала в 7 правил, которые и поныне состав-

ляют все отличие новой орфографии от старой.

В дальнейшем противникам реформы удалось мобилизовать всех своих сторонников, в результате чего большинство членов Академии высказалось против реформы, и проект был похоронен, а затем проведен в жизнь без постановления Академии министерством народного просвещения. Временного Правительством циркулярами от 17 мая и 22 июня 1917 г. Эти циркуляры касались введения новой орфографии только в школах. Большевики (Луначарский) декретом от 25 декабря 1917 г. ввели ее во всех государственных и правительственных учреждениях, а позже и в казенной печати.

Такова краткая история этого вопроса. Из нее невозможно не сделать того вывода, что за введение новой орфографии высказалось подавляющее большинство высококвалифицированных специалистов по данному вопросу из состава Императорской Академии Наук, а не каких-то головопатов или злостных реформаторов, преследовавших цели понижения культурного уровня народных масс в целях большей легкости внедрения в их головы своей противостественной и антинаучной идеологии, какими являлись большевики. Лично я предпочтительно оставался в рядах преемников этого культурного и компетентного большинства. Аргументов — и притом весьма веских и далеких от всяких соображений низшего порядка — у этого большинства было, конечно, немало; в моих спорах со сторонниками старой орфографии — немало их и у меня — я привожу самый "легковесный", но, пожалуй, и самый ехидный из них, на которой до сих пор мне не удалось получить никакого ответа: почему в слове "надеяться" они пишут "ять", а в слове "надежда" "е"? За ответ на этот вопрос буду весьма признателен.

Н. Потоцкий

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

во Вторую Мировую войну Черчилль боролся с Рузвельтом, желая, чтобы на Балканах появился Айзенхауэр, а не Толбухин. И такие "внутренние фронты" будут неприменной принадлежностью коалиционных войн. Раздвоение, раздробление целей войны — основных и промежуточных — ведет к расплывчивости стратегии, к ее неопределенности, а отсюда — медлительность хода действий и длительность войны.

В прежние века войны велись ради покорения или освобождения, ради грабежа или отмщения за грабеж (румынский язык для наименования понятия "война" воспользовался русским словом "разбой"). Теперь началась эпоха войн за "место под солнцем". Эта фраза была придумана Германией, возникшей к шапочному разбору дележа колоний. Но сейчас фраза эта имеет более грозный смысл: население Китая увеличивается на один миллион душ в месяц; проблема перенаселенности тревожит тех, кто умеет думать не только о нынешнем дне, но и о грядущем. В Индии приступили к насильственной стерелизации женщин, родивших трех детей. В других странах Азии перенаселенность становится такой опасностью, что прибывшие из этих стран на съезд Англиканской Церкви епископы добились резолюции, переворачивающей все пуританские понятия: Церковь одобрила "планирование деторождения". Но сейчас длительных тираний не может быть ни в одном государстве (сорок лет диктатуры коммунистической партии в СССР это — не длительный срок в масштабе всемирной истории), а быстро-сменяющиеся власти не соблюдают насильственного мальтузианства, если его и введут.

Человечеству становится тесно. Азия и Африка вытесняют европейцев, Европа уплотнена до предела, Америка ровно через 400 лет после вторжения Кортеса вторглась войском в Европу, а затем дипломатами и финансистами — на все континенты, не вмещающая своей энергии в своих пределах. Мировая мечта избавиться от библейского "в поте лица..." воплотилась в Ленине, Сталине, Хрущеве. А они смешали пот с кровью: конфликты и войны стали постоянным явлением и планетарным бедствием.

Сотни миллионов людей находятся под угрозой коммунистической военной инвазии, а другие сотни миллионов думают, что им угрожает вторжение войск реакции; сотни миллионов страдают под коммунистической диктатурой, а другие сотни миллионов воображают, что их жизненная задача — борьба против колониализма, хотя он уже перестал существовать; в недрах десятков государств клокочет революционная лава; многие государства пребывают в полу-мобилизационной или мобилизационной готовности и почти половина стратегической авиации САСШ денно и ночью парит в небесах, не смея приземлиться, чтобы не стать жертвой советского удара "нажми кнопку!"; вспышки войны классически-регулярной и современно-иррегулярной — нервируют человечество и никто на земле не чувствует себя в безопасности от войны-революции или революции-войны.

Пройдут десятилетия, жизнь оправится от нынешнего бузумия. Но сейчас может настать момент, когда "благодать" мира станет людям несносной и они возмечтают о войне, чтобы временным злом устранить длительное зло трагического курьеза: не мир и не война.

Было время когда военные думали, что все международные болезни можно вылечить войной, а государственные люди полагали, что ею можно вылечить некоторые болезни. Но сейчас никто этого не думает, потому что опыт двух последних войн говорит, что лекарство, убивая бактерии, повреждает и организм. Вторая Мировая война обошлась Европе в 32 млн. убитых; 26 млн. человек оказалось в концентрационных лагерях; депортировано, перемещено 45 млн. человек; было ранено 29 млн. воинов; 21 млн. человек потеряли под развалинами зданий все свое имущество, а 150 млн. остались без крова; разрушено 1.000 городов, причем пострадало 23 млн. домов и 14 млн. общественных зданий и фабрик; разрушено около 9.000 км. судоходных каналов, 20.000 км. рельсовых путей и 100.000 км. дорог. Этой ценой куплено прекращение преследования евреев в Германии и утеснения Католической Церкви в ней, подрезан германский империализм. Но зато дан простор советскому империализму и коммунистической тирании над народами 11 европейских государств. Победители "торговали, веселились, подсчитали, прослезались".

Симптоматично, что Айзенхауэр миролюбивее Трумана: как генерал, он лучше политика понимает, каким апокалипсическим хаосом будет война. Война всегда была хаосом: полководцы старались обуздать эту стихию своими планами и приказами; а чего они не доделали, то подправляли военные историки и в книжках война, аккуратно причесанная, выглядела не хаосом, а порядком.

Ныне же война будет безгранично хаотичной. Причина не только в обременительном разнообразии средств войны, в многочисленности целей, в сложности коалиционных взаимоотношений, в трудности согласовать операции в четырех измерениях, но и в неимоверной сложности военной машины. В прежних веках мыслительные способности полководцев не вмещали тайны управления большими армиями, но Наполеон своим гением, а Мольтке улучшением организации штабов и войск сделали возможным маневрирование миллионными армейскими массами. А ныне эти массы переросли мыслительные способности одареннейшего стратега. Пришлось выдумать "коллективного стратега", но и такие коллективы не в силах руководить военной стихией. Военные летчики говорят, что иной раз падение самолетов вызвано чрезмерным количеством контрольных приборов, должностных предотвратить падение: авиатор не в силах следить за всеми приборами. Стратег едва ли в силах следить за всеми "контрольными приборами" исполинской машины-войны.

Военная машина слишком сложна и громоздка. Поэтому генералы нашего времени стали амилитаристами: они не противники войны и войск, как антимилитаристы, но сторонники решения вопросов политики без применения вооруженной силы — если это возможно. Увы, это невозможно. Война будет, войны будут. Надо лишь уяснить себе, что в современной большой войне изнуряются побежденный и победитель и что война, устранив несколько причин международных осложнений, создает иные причины осложнений. Если в прежнее время решались на войну с надеждой или даже с уверенностью в победе, в достижение своих целей, то теперь возможен случай, когда люди кинутся воевать, говоря "Хочь гирише, тай инше".

Дневник наблюдателя

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ И В БУДУЩЕЕ

В недавнем прошлом имели место обстоятельства, которые нельзя не записать в наш дневник. Речь, собственно говоря, идет об одном — о визите английского премьер-министра Мак Миллана в Москву. В этом случае мы имели дело с ответным визитом, с желанием ближе узнать СССР, с дружбой между народами и т.д. и т.п. По сути же Хрущеву было предложено исполнение его желания, хотя и не полное. Он все настаивает на конференции глав государств. Запад считает такую конференцию несвоевременной, но встреча с Мак Милланом была для Хрущева встречей с одним из глав западных держав, причем ясно, что Мак Миллан являлся представителем и других, хотя это ни где и не записано.

Мак Миллан был встречен на аэродроме Внуково под Москвой со всей возможной pompой, за которой последовали банкеты с тостами. Говорилось о мире, о дружбе, о благожелательности воздухов и казалось, что вернулись дни Тегерана и Ялты. Хрущев подарил Мак Миллану тройку лошадей. Мак Миллан тоже поднес Хрущеву и его супруге ценные подарки и все было очень мило.

Но не успели отзвучать эти любезные слова, как Хрущев выступил на собрании избирателей и в своей речи повторил всю свою берлинскую программу по всем пунктам, не оставив камня на камне от всех медовых слов первых встреч с Мак Милланом. Мировая печать оценила эту речь Хрущева, как ушат холодной воды на голову Мак Миллана, как циничную пощечину, как дерзкий вызов и даже предполагалось, что после нее Мак Миллан покинет СССР. Но дипломатия не позволяет демонстраций. Мак Миллан принял и ушат холодной воды и пощечину, и вместо Лондона поехал в Киев, как намечалось программой визита. Хрущев хотел сопровождать его, но ему помешала зубная боль, не препятствовавшая, впрочем, ему принять иракскую комиссию.

Необыкновенная сдержанность Мак Миллана выправила положение. Посетив Киев и Ленинград, он снова встретился с Хрущевым. Надо сказать и то, что между тем Хрущев принял в Мо-

скве представителей Исполнительного Комитета Мирового Совета Мира. Они были расстроены Хрущевской речью на митинге избирателей, но он объяснил им, что не произошло ничего страшного, что он хочет мира и что его переговоры с Мак Милланом идут прекрасно, чему "способствует близость между русским и английским языком".

Во всех этих случаях обращает на себя внимание необыкновенная фамильярность Хрущева. Разговаривать так, как это делает он, может лицо, глубоко презирающее своих соперников и полностью уверенное в себе. Сегодня — медовые речи, завтра — ушат холодной воды, послезавтра — замечание о родственности между английским и русским языком...

Так и выдержка Мак Миллана привели, однако, к дружественному коммюнике, выпущенному в заключение визита. Слова коммюнике не отличаются особой новизной и содержательностью: мир, мир, мир... дружба между народами и твердое решение разрешать все конфликты путем переговоров, а не путем войны, и тому подобные заочные выражения.

Существенно лишь то, что почуялась несколько большая готовность со стороны Мак Миллана к созову конференции глав государств, как того хочет Хрущев, а не конференции министров иностранных дел. Впрочем, не остается сомнений, что конференция министров иностранных дел все равно будет предшествовать конференции глав государств. На этих конференциях должны будут обсуждаться прежде всего германские вопросы, от решения которых будет зависеть вопрос о Берлине. Все должно будет идти в рамках Хартии ООН. Так настаивает Мак Миллан.

Каковы же перспективы этой или этих конференций? Никаких! СССР готов на все, лишь бы сохранить за собой власть над, по крайней мере, Вост. Германией. СССР говорит о заключении мирного договора с обеими Германиями, Запад думает о действительном объединении разорванной в Ялте Германии, что обозначит провал для СССР. Без капитуляции одной из сторон выхода из германского тупика нет. Запад капитулировать не согласен. Не согласится и Хрущев. Сколько еще можно затягивать?.. У кого больше времени?..

Считают большим достижением, что Мак Миллан говорил по радио и телевизии прямо населению Москвы. Его слушало 3.000.000 человек. Но он не сказал им ничего такого, чего они до тех пор не знали. Он говорил о зажиточности англичан, о свободе, которою они пользуются, о том, что англичане послужили человечеству многими изобретениями и проч. и проч. Не того ждали москвичи, надеясь слышать резкую критику своего без конца надоевшего коммунистического правительства и уловить хоть каплю надежды на то, что с коммунизмом когда-то будет покончено. Безусловно речь Мак Миллана едва ли способствовала ему в приобретении симпатий москвичей.

После отъезда Мак Миллана Хрущев отправился на международную выставку в Лейпциг (в свою вотчину, то есть...). Здесь он снова повторил свою берлинскую программу. Это был новый ушат холодной воды, после медового коммюнике о его переговорах с Мак Милланом. И тут же в Лейпциге он со свойственной ему фамильярностью, говорил, что "мы, де, не торопимся", "с Берлином, де, можем и по-

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"НАША СТРАНА"
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ
(издание четвертое)
выходит отдельными выпусками
ВТОРОЙ ВЫПУСК
ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
Цена 1 ам. доллар.

Принимается предварительная подписка на все шесть выпусков
Цена 5 дол., в Аргентине — \$ 150.

дождать", "цыплят, де, по осени считают", а по поводу того, что он все же не упускает случая упоминать о Берлине, он бросил: "повторение — мать учения" (фраза, которую иностранная печать незамедлительно переварила, сказав: "Повторение — мать науки; мать знания").

Так Хрущев подносит западному миру советское учение путем повторения и никто на Западе не может ответить себе на вопрос: шутит Хрущев, блефирует он, или же — говорит всерьез, будучи готов провести намеченные меры в срок, поставив весь мир перед альтернативой: сдать перед СССР или ответить ударом.

В Лейпциге Хрущев ухаживает за торговцами из капиталистического мира, толкая, что мир выгоднее войны, что война должна быть запрещена и т.п. Эти его речи вызвали волну оптимизма и надежду на мир.

Мак Миллан собирается ехать в САСШ. Ждут, что он постарается повлиять на АЙзенхауэра, склоняя его к конференции глав государств. В Америке же повеяло несколько новым духом. Военный министр Мак Эльрой заявил, что в нынешнем положении, в случае войны, САСШ несомненно имеют все преимущества перед СССР и в связи с его речью возникли толки о том, что военная необходимость может заставить Америку нанести первый удар. В целях охладить пыл Хрущева стали говорить о мобилизации в САСШ. Но все это остается в области разговоров, тем более, что объявление войны со стороны САСШ не входит в конституционную компетенцию Президента. Визит Мак Миллана в Америку, очевидно, покажет, куда станет склоняться политика Запада в сложном вопросе, перед которым его поставил Хрущев. Инициатива — в его руках. Политические партии САСШ едины в своем воззрении на права и обязанности САСШ по отношению к Германии и Берлину.

Из Лейпцига Хрущев поехал в Берлин, где, на митинге, снова повторил свою берлинскую программу. Его речь рассматривается Западом, как угроза войны и требование безусловной эвакуации из Берлина воинских частей западных держав.

Заключен договор взаимной обороны между Турцией, Ираном и Пакистаном. За спиной этого договора стоит САСШ. СССР чрезвычайно возмущен враждебной политикой к нему Персии (Ирана) и ведет интенсивную работу по вовлечению в свою орбиту Ирака. Премьер-министр революционного Ирака Кассем колеблется между коммунизмом и арабским национализмом. Политическая работа на Среднем Востоке явится важным фактором в ходе разрешения берлинского конфликта, который продолжает висеть над миролюбцами, подобно Дамоклову мечу.

В конце марта собирается посетить Москву и Даг Хаммершилд. Вероятно тоже будет выпущено коммюнике, полное миролюбивых слов. Но дело от этого не изменится. Значительную оттяжку решения германской проблемы может дать конференция министров иностранных дел, особенно, если она априорно будет нацелена на конференцию глав государств. Но как ни красивы слова Хрущева и Мак Миллана о том, чтобы решать все конфликты путем переговоров, если этим путем достичь ничего не удастся, то будут решать иными способами. Какими — покажет будущее. Наблюдатель

ВЫШЕЛИЗ ПЕЧАТИ
и поступил в продажу труд Южно-Американского Отдела Института по исследованию проблем войны и мира имени ген. проф. Н.Н.Головина.
РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ
Цена — в Аргентине — 30 песо
В остальных странах — 0.75 ам. дол.
Заказы адресовать в редакцию "Нашей Страны".

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina
Телефон 52-7426

Прием у редактора только по предварительному соглашению по телефону.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ АМЕРИКА DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8400 Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6th Ave, Apt. E. San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E. 14th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str. Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles.

France: Mr. A. Krivocheff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Welfsburg Postfach 142

Greece: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 22, Athènes.

Holland: Mej. A. Loeper, Amsterdamse Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane, Q-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1.

Mr. M. M. Spassovsky, 3, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

ЦЕНА НОМЕРА В АРГЕНТИНЕ — \$ 4.50

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульд.; Швеция — 1 шв. кр.; Греция — 4 др.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден; Греция — 8 др.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "РУСЬ"

предлагает следующие свои и чужие издания:

История русского масонства (т.т. I-VI) — 17 дол. с пересылкой. ● В. Иванов. Тайны масонства — 0.75 дол. ● Антисоветские анекдоты — 0.25 дол. ● Б. Башилов. Миф о русском "сверхимпериализме" — 0.75 дол. ● Б. Башилов. Враг масонов № 1 (Масоно-интеллигентские мифы о Имп. Николае I) — 2.25 дол. ● Лукин. Масонство в русском скаутизме — 0.50 дол. ● Б. Башилов. Почему Имп. Николай I запретил в России масонство? Русская Европа к началу царствования Имп. Николая I — 1 дол. ● Б. Башилов. Тишайший царь и его время. — 1 дол. ● Б. Башилов. Робеспьер на троне (Исторические результаты совершенной Имп. Петром I революции) — 2 дол. ● Б. Башилов. Русская Европа (Россия при первых преемниках Петра I) — 1 дол. ● Б. Башилов. "Златой" век Екатерины II — 2 дол. ● Б. Башилов. Рыцарь времен протекших (Имп. Павел I и масоны) — 1.25 дол. ● Б. Башилов. Имп. Александр I и его время (Масонство в царствование Имп. Александра I) — 2.25 дол. ● Б. Башилов. Масоны и заговор декабристов — 1.25 дол. ● Б. Башилов. Незаслуженная слава (Антинациональная роль русской интеллигенции) — 1.50 дол. и многие другие книги.

Высылка книг во все страны.

Заказы и письма направлять по адресу:
M. Tamarzeff, Casilla Correo No 4, Villa Ballester, FNGBM, Argentina.

Поступили в продажу НОВЫЕ ПЛАСТИНКИ

1. "ЯЛТА" (танго) и
"В ЛЕСУ ГОВОРЯТ" (русская песня)
2. "ЗЕМЛЯНКА" и
"ЦЫГАНКА МАША"
исполняет ансамбль артистов
С. ШВЕДОВА, В. КРИВЦОВА,
ВАС. УТКОВ, СЕРГЕЙ КРИВЦОВ,
ИВАН ШВЕДОВ
и НИКОЛАЙ СИМОНОВ (аккордеон)

Пластинки можно купить: в Библиотеке г. Тamarzeff (ул. Сан Мартин 344, Вижа Бажестер), у г. Вербицкого (киоск при Храме на ул. Нуньес 3541), у г. Яковлева (Альвар 564 Вижа Бажестер) и Катамарка 216. Вижа Бажестер.